

АЛЕКСАНДР ЗАВЬЯЛОВ

НАПИСАНО ЛАПОЙ И ХВОСТОМ

записки смышлёной собаки

12+

Александр Николаевич Завьялов

Написано лапой и хвостом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38267648

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97532-3

Аннотация

Рыжий смыслённый пёс породы колли втайне от людей научился читать и писать, постиг многие науки.... Дружит со всеми животными в лесу и влюбился в волчицу. Жизнь Коли полна приключений и неожиданных встреч. Природа раскрывает перед ним свои тайны и даже сложные научные загадки. Но главное, показаны доброта, любовь и преданность собаки. В книжке 40 анекдотичных, юмористических историй с иллюстрациями, которые интересны и для детей, и для взрослых.

Содержание

Судьбоносная встреча	4
Пишу как есть, положи лапу на сердце	10
Добрая продавщица из мясного отдела	15
Наша любимая корова Пестроня	20
Моя тёплая шуба	26
Чудесная исцеляющая сила	32
Змейка «подколотная»	39
Жизнь прожить	47
Необычайно дорогая порода	54
Лесной совет	60
Декоративные волки	65
Сколько волка ни корми, а он всё в деревню бегают	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Александр Завьялов

Написано лапой и хвостом

Судьбоносная встреча

Я ещё щенком был, когда Никита меня от неминуемой гибели спас. Не подоспей он вовремя, я бы сейчас эти строчки лапой не карябал.

В тот день проснулись Никита и дружок Егорка ещё до зорьки и на рыбалку отправились. Придумали до Леонтьевской протоки махнуть. Дорога хоть и не близкая, зато место сильно уловистое. Утро всего лишь посидят – и у каждого полнёхонькое ведро окуней, лещей, плотвы, осетров... и другой рыбёхи наудачу. Без улова никогда не возвращались.

И вот идут они к месту по-над обрывистым берегом, веселёхонько разговаривают, смеются – и тут я тону... Я уже тогда большой был, почти три месяца. Потерялся у своей мамы и по глупости со сваи в речку бултыхнулся. Понесло меня течением и прибило вместе со всяким плавником и хламом к обрывистому берегу. Забрался я на осклизлую корягу, а выбраться из речки не могу: берег обрывисто нависает. Остаётся что – скулить да повизгивать.

Тут-то меня парнишки и услышали. Первым мой Никита всполошился. Он вдруг резко остановился и прислушался.

– Егорка, слышишь? Скулит кто-то... щенок вроде...

Ну, я ещё больше заголосил. Никита сразу к обрыву ки-
нулся, да тут же в растерянности замер. К самому краю ни-
как не подойти, опасно: берег высокий, до воды метра три-

четыре, и подмыт сильно, наброво – трава вместе с дёрном чуть ли не на метр провисает. То и дело большие комки глины в воду бухают. И всё же насмелился он и к самому краю подполз. Глянул вниз и сначала даже разобрать ничего не смог. Столько река всякого дерева нагнала, ошметки коры и мусора, и всё это друг на дружке громоздится, пенится в водовороте. Увидел я парнишку, заскулил, затыкал, что есть мочи: мол, здесь я, здесь!

– Чео там? – нетерпеливо спросил Егорка.

– Щенок на ветке сидит. Как же он сюда попал?

– Как, как... Топили да не дотопили. Пойдём, ничем ты ему не поможешь.

– Как это пойдём?! – Никита даже рассердился. – Оставим его погибать? Да ты!..

И в это момент ветка талины, на которой я сидел, вдруг отцепилась от корневища разлатой кокорины и поплыла вдоль берега. Метров через пятьдесят начиналась быстрина, а дальше и вовсе шумный пережат. На таком течении мне никак не удержаться, соскользну в воду – и поминай как звали. Прости мама непутёвого сына. Я прямо оцепенел от ужаса, даже скулить перестал. Никита тоже, конечно, испугался за меня, в ту же секунду скинул курточку и сиганул в леденящую воду. Не мешкая. Потом-то я узнал, что с малолетства отец Никиту к плаванию приучил. Как лето, так он из воды не вылезает, хорошо плавает и за раками ныряет на глубину. Так это по лету, в жару, а тут в стылую весеннюю воду да

в омут глубокий, водоворот страшный. Обожгло его холодом, даже дыхание перехватило, от страха всё тело свело.

– Вот безбашенный! – ахнул Егорка. А сам к берегу подойти боится. – Чео, сдурел? Никитка, к берегу давай!

Никита всё же перемог страх, скоренько догнал ветку и меня с ней, а я реву, с жизнью прощаюсь. Прижал он меня к груди – я дрожу всем тельцем, тычусь мокрой мордахой. Кое-как всё же доплыли до берега. К счастью, сразу перед перекатом под обрывом пологий бережок начинался. На него и выбрались. А там уж и Егорка помог нам на травку вылезти.

Успокоился я немного, на Никиту во все глаза взираю. А когда стали меня колбасой кормить и салом, и вовсе уве-

ровал в свою счастливую судьбу. Возле костерка разомлел, спать захотелось. Сквозь дрему слышу:

– И зачем он тебе нужен? – ворчал Егорка. – Дворняжка обыкновенная.

– Сам ты обыкновенный, – заслонил меня Никита. Сам дрожит от холода, зуб на зуб не попадает. – Это колли, кажется, он ещё шерстью не оброс. Вырастит – видно будет. Моя собака.

И так мне эти слова на сердце легли! Ещё теснее прижался к Никитке своим тельцем, и уже совсем мне спокойно стало.

– Ты только никому не рассказывай, что я в речку прыгал, – попросил Никита, когда согрелся. – Мамка, сам знаешь, какая впечатлительная! Да и отец по голове не погладит.

– Ладно, – пообещал Егорка, – а ты всё равно ненормальный.

Сначала хотели меня Герасимом назвать, как главного героя дедушки Тургенева. Это который маленькую собачку Муму любил, но пошёл на поводке вздорной барыни... Увидели между нами очевидную связь: и в моей судьбе, и в жизни того Герасима водная стихия сыграла решающую роль. Но потом подумали, подумали и назвали меня Колей, чтобы никто не сомневался, что я из породы колли. Имя мне сразу понравилось, солидное такое, надёжное, не какой-нибудь Бобик или Тузик – котам на смех. Да ещё как у Николая Васильевича Гоголя... Что скрывать, я на великого писателя очень похож, особенно в профиль. Длинный и острый нос, на

мордахе короткая шерсть, а с ушей грива как каре свисает. Да и впоследствии способности к писательству открылись...

Я, естественно, хозяина не разочаровал. Ох и смыслястый я оказался! К году длинной шерстью оброс, весь такой рыженький, нарядный стал. Тут и все сомнения отпали, что мои мама и папа из шотландских овчарок, или колли, как эту породу ещё называют. Все команды я слёту разучил, меня и дрессировать-то не пришлось. Стразу понял: начнёшь шkodить и плохо учиться – на цепь посадят или сплавят куда-нибудь, к чёрному коту на кулички. Хотя и хитрю иногда, но не со зла, не корысти ради, так получается... Мимодумно. Главное, очень уж я добрый, ласковый и послушный. От счастья прямо-таки всего распирает! Люблю я хозяина своего Никиту и всю семью, аж дух захватывает!

Пишу как есть, положа лапу на сердце

Никита пошутить любит и частенько небылицы про меня рассказывает. Однажды среди сверстников такое отгрохал:

– Мой Коляша просто зверь какой-то... Вчера мы с ним ездили в город – он там такое учудил!.. Смотрю, бегаёт мой Колька, а из пасти у него какая-то верёвочка торчит. Сначала я не обратил внимания: ну, верёвочка и верёвочка. Потом подозвал его, гляжу, а это, оказывается, поводок... Потянул я за поводок этот – и еле-еле вытащил из пасти вот такенную таксу!.. – на полметра развёл руки Никита.

– Да ладно заливать! – усомнился худой и долговязый Славик.

– Да что мне врать-то? Так всё и было... Хорошо ещё, целиком заглотил и недавно. Обошлось. Такса отдышалась маленько, очухалась, даже гавкать давай. Недовольная такая, сердитая. Обиделась, наверно. Тут и хозяйка прибежала, старушка какая-то. Я ей говорю: бабушка, вашей собаке ни с того, ни с сего плохо стало... Хорошо, говорю, мы с Кольком рядом были. Оказали первую помощь...

– А хозяйка, случайно, не старуха Шапокляк была? – спросил упитанный Вадик.

– Может, и Шапокляк, – усмехнулся Никита. – Я в её пас-

порт не заглядывал.

Хозяин тогда меня просто в краску вогнал. Мне сначала казалось дикостью, что он на меня всякую напраслину наводит. Обижался даже, а потом – ничего, сам стал среди собак байки распускать. Я ведь во всём стараюсь Никите подражать. Недаром говорят, что собаки на своих хозяев похожи.

Помню, собрал вокруг себя свору и такую небылицу закинул:

– Кошек заметили, как меньше стало? Это я их на деревья загоняю, и они там неизбежно пропадают насовсем...

– Что-то я не видел, чтобы коты на деревьях пропадали, – ехидно пропищал ободранный пудель.

– У меня напрочь исчезают! От страха. Если не все, то девять из десяти – точно.

– Это с какой такой радости?

– Не верите? Я сам своими глазами видел! Помните того лохматого сибирского кота, который возле котельни жил?

– Ну да, он вроде как ничей. Что-то его давно не видно.

– Вот-вот. Я его тоже на дерево загнал. А через полчаса мы с хозяином мимо возвращались, глядим, кота с дерева снимают и на носилках уносят...

Эти коты постоянно мою психику расшатывают. Вредные животные. У меня такое чувство, что они против рода человеческого что-то замышляют. Всё время чем-то недовольны, зануды редкостные. Вот и воюю с ними с утра до вечера. Уже вся морда когтями исполосована. Эх, была бы моя воля, я бы запретил котам носить когти длиннее одного миллиметра.

У котов сильной любви к хозяевам нет – это все знают, – эгоисты они, только о личной выгоде заботятся. Вот хоть нашего кота Ардалиона взять. За миску карасей продаст и даже не покраснеет.

Помню, прошлым летом такой случай вышел. Солнце распалилось не на шутку, вся земля в пекло превратилась. У меня шерсть длинная, мне и вовсе худо. Разморило, и задремал я под яблонькой. Вдруг чую, что-то такое, неправомерное, происходит. Я один глаз приоткрыл, и глазу своему не

верю. Гляжу, семья бобров – штук десять их было – разбирают нашу баньку и брёвна со двора к дороге выносят, на телегу складывают. У меня от наглости такой на глазу нервный тик случился. Подскочил я как ошпаренный, об яблоневую ветку головой треснулся. Кинулся я к ним, бобрам этим, и спрашиваю: так, мол, и так, по какому такому праву? Где разрешение на снос? Выдвинулся их старший бобёр и давай мне объяснять, раскладывать. Оказывается, Ардалион обменял нашу баньку на ведро карасей. Это как? И главное, за спиной всей семьи преступную схему оборачивал, втихую. Вот и скажите мне, что коты – хорошие животные.

Ну, я, естественно, возмутился, осерчал. Заставил их баньку обратно сложить. К счастью, ни хозяин Никита, ни семейные ничего не заметили. Как только бобры баньку восстановили, отец и Никита с покосов пришли, а мама весь день возле плиты толкошилась, во двор и не выходила.

Коту я потом, естественно, взбучку устроил.

– Ты в своём уме? – рычал я на него. – Наше общее имущество разбазариваешь! И где гарантия, что они тебе рыбу принесут? Бобры рыбу не ловят, это тебе не выдры!

Ардик тут же извиняться давай, просил никому не рассказывать, ластился и мурлыкал. Только, я думаю, вряд ли он искренне раскаялся, наверное, ещё и обиду затаил. Эх, что и говорить, кот, одним словом.

Добрая продавщица из мясного отдела

Пошли мы как-то всей семьёй на базар. У меня прямо глаза разбежались от всякого изобилия. Слюнки потекли, в животе заурчало. Не выдержал я и отлучился в мясной отдел.

Остановился возле прилавка, где самая большая гора мяса, и стал украдкой приглядывать. В нашем деле главное – тщательно составить план экспроприации. Смотрю, продавщица тучная, – значит, реакция у неё не ахти. Дождался я, когда она отвлеклась, и потянул с прилавка маленький филейный кусочек. Килограмма на три. И вот тут, к моему ужасу, ждал меня неприятный сюрприз. Эта продавщица, на удивление, среагировала мгновенно. Схватилась за другой конец филейки да как заверещит! Я испугался, хотел было бежать, да зубы, как назло, заклинило. Я на себя кусок тяну, торговка – к себе тащит. Кричит, ругается, всякими нехорошими словами меня обзывает. Дубину откуда-то достала и со всей моченьки по спине меня огрела. Я так и взвыл от боли! В глазах потемнело, слёзы дробью в разные стороны брызнули. Заскулил с такой душераздирающей болью, что всем покупателям аж не по себе стало. Одна только торговка злобно расхохоталась. Я побежал, переламываясь в спине, а она мне вслед кричала:

– Ещё раз увижу, псина блохастая, вообще прибую!

Спина потом с неделю болела, на спине спать не мог. А всё же мы, собаки, так устроены, что мстить совсем не умеем, даже зла не держим. В первую же ночь привиделся мне целый, душераздирающий сон. Снилось мне, будто лежу я на саях, весь такой раненый и перебинтованный, а в санки запряжена, как в собачью упряжку, продавщица эта мясная. Тянет она кожаные ремни, упирается со всей моченьки. А пурга страшная такая, словно мы в Антарктиде какой или в Арктике. Дорогу совсем замело, от снежных вихрей вокруг ничегошеньки не видать. Тащит бедная продавщица санки, а снежная крупа ей прямо в лицо бьёт, чуть ли не с ног сшибает.

– Ничего, Коленька, больница уже близко, – говорила она, глотая слёзы. – Потерпи, миленький. Только живи, хороший мой, только живи.

И я терплю, лежу на мягкой подстилке, тот самый филейный кусок потихоньку общипываю, растягиваю удовольствие.

Всю дорогу она мне ласковые слова говорила. Я тоже в ответ поскуливал. Она сама попросила, чтобы я отзывался. Всё боялась, что лапы откину, не дотянув до больницы.

– Вот вылечишься, я тебе котлеток нажарю, – говорила она. – Любишь котлетки?

Я пробурчал там чего-то.

– Вот и хорошо, вот и чудненько. Шашлычками тебя на-

кормлю, бастурмой. Люля-кебаб пробовал? А льянги? Ничего, попробуешь ещё. Я тебе самые деликатесы готовить буду. Ты ведь голодненький был, раз пошёл на преступление. Ничей, конечно, беспризорный. Эх, бедовая головушка! Намучился поди по жизни, настрадался, а тут я ещё – палку эту, окаянную, из рук выронила... Надо же, прямо по спине она тебе угодила. Сильно больно было, да? Да уж знаю, можешь не отвечать. Тебе и нельзя много говорить. Береги силы. Отозвался чуть – и ладно. Как же ты скулил, бедненький, как же плакал! У меня сердце чуть не оборвалось. Столько боли и обиды! Никогда себе не прощу! Эх, только бы до больницы дойти, только бы успеть! Только не умирай, хороший мой, держись! Держись, родненький! Если тебя не будет, и я жить не смогу!

Потом она совсем выбилась из сил, присела рядом на санки, погладила меня и заплакала.

– Не могу дальше идти, – всхлипывала она. – Сил больше нет. Пропали мы с тобой, теперь уж точно замёрзнем. Я-то ладно, пожила своё. А ты молодой совсем, щенок ещё. Вот горе так горе!

Гладит меня и ревмя ревёт, и у меня у самого слёзы навернулись. Заскулил я как можно жалостливей да тут же и проснулся. Пощупал лапами мордашу, а она и правда мокрая от слёз.

Совестно мне стало, неловко как-то: выходит, я хорошую тётю под страшные душевные муки подвёл. Ведь теперь её до

конца жизни совесть грызть будет. А у совести клыки длинные, острые – не позавидуешь. И всё из-за меня.

С тех пор я решил мясо чужое не воровать. Думаю, нужно просто вежливо попросить, и так дадут, не откажут. Люди ведь хорошие и добрые.

Наша любимая корова Пестроня

Мы нашу корову Пестроню летом в стадо наряжаем. Паётся она на сочной зелёной травке, а потом молоко вкусное приносит. Мы её ещё Кормилицей зовём. От неё зависит благосостояние и здоровье нашей семьи. Я лично провожаю Пестроню к своим знакомым, пастушьим собакам, и передаю из лап в лапы. Я и сам её иногда неплохо пасу, но лучше, конечно, когда этим занимаются профессионалы.

По дороге я всегда Пестроню спрашиваю, хорошо ли к ней относятся другие коровы, не обижают ли собаки, пастух. Однажды она мне пожаловалась, что её пастух Говядиной называет. У меня, конечно, сразу шерсть на загривке вздыбилась. Сразу побежал пастуха искать. Ну, думаю, порву в клочья, будет знать, как над нашей коровой смеяться. Но, видно, тот пастух в рубашке родился. Мне по дороге пастушьи собаки попались, и они рассказали, что пастух всех коров Говядинами обзывает, ничего личного. Типичное поведение невежественных людей.

С недавних пор наша Пестроня вместо молока сливки приносить стала. Жирность двадцать процентов. Другие коровы обзавидовались, конечно, им тоже захотелось отличиться. Стали за Пестронею подглядывать: какую она травку выбирает, что за режим питания и т.д. Заинтересовались химическим составом молока, соотношением жиров, белков

и углеводов. Пристали к самой Пестроне с расспросами, а та только рогами разводит.

– Сама удивляюсь... Ни с того, ни с сего как-то...

Коровы обиделись, ополчились на Пестроню, то толкнут, то рогом подденут. Пришлось мне с каждой коровой по отдельности беседовать. К некоторым, особо непонятливым, применил вразумляющее воздействие.

Мне, конечно, сливок не достаётся, но я о себе в последнюю очередь беспокоюсь. Для меня главное, чтобы семья сытая и счастливая была. Оттого стал думать, как бы так Пестроню уговорить, чтобы она не только сливки, но и сметану, и сгущёнку производила. Скажем так: утром сливки, в обед сметану, а вечером сгущёнку.

Выслушала корова меня без всякого энтузиазма и даже обиделась.

– Ну ладно, сливки и сметану – это я ещё смогу, – жалобно промычала она, – а сгущёнку... Она же сладкая должна быть.

– У пчёл мёд тоже сладкий. И ничего, как-то справляются.

Пестроня понурилась, глаза её затуманились.

– Ладно, я попробую, – обронила она.

После этого мы дня три от коровы ни молока, ни сливок не видели. А потом принесла она ведро сметаны, а ещё через четыре дня – ведро сгущёнки. Все, конечно, удивились, со всех сторон подбегать стали. С телевидения приехали. Захотели секрет знать. А какой тут секрет? Природный дар. Ну, ещё любовь и внимание родных и близких, что немаловажно.

Мое, в частности, непосредственное участие... Хоть Пестроня в сроки не уложилась, а всё же задание моё выполнила.

Узнали о нашей корове и с дальних краёв. Потянулись делегации перенимать опыт. Потом и вовсе приехали какие-то сомнительные личности и большие деньги за нашу корову предложили. А как можно кормилицу продать? Она ведь своя, родная, член семьи. Естественно, они ни с чем ушли.

Только стал я замечать, что эти же подозрительные типы вокруг Пестрони крутятся. Так и подумал, что украсть хотят. Тут же я усилил бдительность. С пастбища не отлучаюсь, с коровы нашей глаз не свожу.

Но однажды задремал я под берёзкой на какую-то минутку, открываю глаза – нет Пестрони. Вскочил как ужаленный, давай носиться по всему полю. Пастух в странном обморочном состоянии спит, да и все пастушьи собаки вповалку валяются, дрыхнут. Видать, снотворного им подсыпали. У коров спрашиваю, и все одно и то же заносчиво и обиженно твердят: мол, следите за своей уникальной коровой сами... Только одна порядочная корова нашлась, показала направление, в какое Пестронию повели. Тотчас же я и след взял. Кинулся я во все лопатки по следам, через горку перемахнул, гляжу, двое воров нашу корову к грузовой машине ведут. Пестроня голову опустила и плачет навзрыд. Воры на неё грубо покрикивают, один даже палкой её по спине огрел. У меня от гнева прямо в глазах помутилось, внутри всё захрипело, шерсть на загривке вздыбилась. Зарычал я, залаял грозно и с горы на бешеной скорости скатился. Одного вора сходу сшиб, хотел его загрызть насовсем, но отложил пока... Другой вор от меня в кабине успел скрыться. Кидался я на машину, стекло пытался разбить, да только мордаху повредил. Стекло крепкое оказалось, калёное.

Того вора, что по земле ползал, я по доброте своей собачьей пощадил. Не стал об него клыки марать. Посмотрел ему

в глаза, а там испуг и подлое что-то, гадкое. Погавкал я вдоволь, порычал с ненавистью: мол, если ещё раз нашу корову тронешь, не пожалею. Потом отвернулся и гордый весь такой сказал:

– Пойдём, Пестроня. Никто тебя больше не обидит.

Она обрадовалась, повеселела и попросила:

– Можно я ему копытом звездану?

– Оставь... – поморщился я. – Не марай копыто. Пускай ими правоохранительные органы занимаются.

И пошли мы солнцем палимые назад на пастбище. По дороге я корову немного пожурил.

– Ты почему не кричала, когда они тебя уводили? – строго спросил я.

– Они сказали, что на конкурс красоты меня повезут.

– И ты поверила? – удивился я.

– Да. Они меня очень хвалили. Восторгались мной.

– Почему же ты плакала возле машины?

– Они мне обещали, что на красивой машине повезут, а сами грязный грузовик без всяких удобств предоставили.

– Понятно...

– Я стала мычать, упираться, и они сразу ругаться стали. Один даже ударил больно.

– Я видел. Эх, кормилица ты наша, разве можно чужим людям доверять... Чужие люди в потёмках.

Тут смотрю – коровы нам навстречу бегут. Обступили Пестроню и, перебивая друг дружку, давай рассказывать, как

они за неё испугались, переволновались не на шутку, у всех молоко пропало. А я тем временем овчарок распинаял и такую им взбучку устроил, что они с тех пор только вокруг нашей коровы кругами ходят, ни на шаг не отступают.

Потом меня эти злые люди отравить пытались. Колбасу подбрасывали, начинённую сильнейшим ядом. Только я всякий раз начеку был. Тут же зарывал её в землю, чтобы никто не отравился. Но плохие люди, известно, упорные создания, мстительные. Эти воры приходили к нам домой, разговаривали с родителями Никиты. Один жаловался, что я его покусал. А другой якобы свидетелем был. Дескать, я бешеный и меня нужно пристрелить. К счастью, всё благополучно разрешилось. Пастух хоть и невменяемый был, а краем глаза видел, как эти двое Пестроню уводили. Теперь воры в нашу деревню и носа не показывают.

Когда всё выяснилось, меня, конечно, похвалили. Наградили вкусной ветчиной и большущей говяжьей костью, которую я целую неделю грыз. С тех пор я, правда, запретил нашей корове сметану и сгущёнку приносить. От беды подальше. Теперь она сыр и творог производит.

Моя тёплая шуба

Мне тогда полтора года было. Пошли мы с Никитой и Егоркой на рыбалку. Всё на ту же Леонтьевскую протоку. На этот раз с ночёвкой решили. Уже осенние заморозки пошли, и налиим стал брать. А налиимы редко днём охотятся, им самую глухую тьму подавай, особенно когда луны нет. Они в нашей речке, как поленья; бывает, какое бревно выволочешь, так ни в какой садок не влезает. Разве что на кулан посадить. Отец обещался утром за нами приехать, забрать улов. Сами-то мы, понятно, не донесём столько-то...

К вечеру небо прояснилось. Млечный путь показался, созвездия разные. Жаль, я в них не разбираюсь, узоры и правда завораживающие. Такая красота, что дух захватывает. Никита и Егорка друг с другом соревноваться стали, кто какие созвездия знает. Я только и успевал запоминать. Узнал я тогда, что на каждой звезде такие же планеты есть, как наша. И везде собаки водятся. Всякие разные породы. Может, и коты где есть. Ладно, пускай будут, а то скучно без них.

Одно плохо: похолодало сильно. Потихоньку забереги ледком прихватило. А у нас ни палатки, ни спальников. Мне-то никакой мороз не страшен: шуба тёплая, лохматая, я и в минус сорок не мёрз. Мне даже хаски завидуют. А парнишки мои только коврики взяли да одеялки лёгонькие. Ну, оделись хорошо – штаны ватные, куртки тёплые, а всё равно не

по погоде. Думали, возле костра и так согдится. Да и не собирались спать – наметили всю ночь налимов из речки выдёргивать.

А налимы эти что-то и не собирались клевать. Уже часов пять прошло, как стемнело, а колокольчики повисли как застывшие, молчат, хоть один бы дрогнул, затеплил надежду.

Потихоньку моих в сон потянуло. Никита носом клюнул и на коврик повалился. Егорка тоже задремал. Шарфами лица укутали, запахнулись в куртки на все пуговицы и к костру жмутся. Я рядом с Никитой прилѐг, боком его согреваю.

Через какое-то время костѐр притух совсем, угольки только краснеют. Смотрю, Никита ворочается, мѣрзнет, никак

согреться не может. Мне бы дровишек в огонь подбросить, но я страсть как этот костёр боюсь. Вот ничем меня не напугать, а огонь побаиваюсь. Природа его мне непонятна. Однажды мне страшный сон приснился. Будто загорелась на мне шерсть, и я еле-еле успел в речку прыгнуть. Вот и не подхожу я к костру близко, с опаской на него взираю.

Растревожился я сильно: вдруг Никита заболит, простынет или воспаление лёгких подхватит? Вон как колотит от холода, зуб на зуб не попадает. Снял я тогда с себя шубу вместе с хвостом и Никиту ею накрыл. Пушистый хвост вместо шарфа приладил, шею надёжно прикрыв, где ангина подбраться может. Никита сразу засопел, дрожать перестал, вытянулся в тепле. Сразу же мне на душе легко стало, спокойно.

Сам-то я без всякой одёжи остался – мясо на костях, жиру самая малость. А откуда он, жир этот, возьмётся? Веду активный образ жизни, бегаю с утра до вечера, ношусь как угорелый. Раньше без надобности было, а сейчас жирок бы не помешал. Что и говорить, так меня холодом и пронзило! Чую, околеваю, лапы и вовсе окоченели. Стал бегать туда-сюда, чтобы согреться, прыгаю в разные стороны. Разминаюсь, одним словом, а сам краем глаза на Никиту поглядываю. Боюсь, проснётся, увидит, что на нём шуба моя, и с испугу её в костёр бросит. Как Иван шкурку Царевны-лягушки. Или просто сонный отпихнёт в сторонку – ну, она и запалится. И как я потом без шубы? В таком виде у меня вообще никаких перспектив. Без шубы собаке никак нельзя.

Вдруг слышу: колокольчик тихонько брякает. Знать, налим попался. Ну, думаю, сейчас как загремит на всю округу, и Никита с дружкой точно проснутся. Тут уж размышлять некогда было. Скоренько я опять шубу на себя накинул и как ни в чём не бывало принялся по бережку выхаживать. Сразу и колокольчик заголосил как очумелый. И я сразу залаял звонко: мол, просыпайтесь скорей, бешеный клёв начался!

Вскочил Никита и к закидушке кинулся, стал леску выбирать.

– Егорка! Большое что-то! – закричал он. – Не могу вытащить! Коля, не мешай! – это он мне. – Не лезь со своими лапами!

Егорка тоже подбежал, помогать давай. Я вокруг прыгаю, заливаюсь от радости. В шубе сразу согрелся, даже жарко стало.

Налим с метр, наверно, попался, не меньше. Никита его на кукан посадил, а он спокойный такой, рассудительный. Замер на дне, и только жабры чуть шевелятся.

Тут и остальные колокольчики как обезумели. Голосят что есть мочи, трезвонят один за другим, а то и одновременно. Парнишки только и успевают налимов вытаскивать. Не до сна стало. В костёр дрова подкинули, и запылал он, озарил окресы.

– Может, зря? – засомневался Егорка. – Всех налимов распугаем.

– Наоборот, хорошо. Папа говорил, налимы как замороженные на свет костра идут.

Парнишки мои согрелись, а налимы и правда натиск не ослабили, судаки подошли.

Отец утром приехал, а у нас целая гора налимов, и ещё

три больших судака. Каждый килограмма по два, не меньше. Я вокруг важно выхаживаю, искоса с гординкой поглядываю. Вот, думаю, свезло: и рыбы наловили, и здоровье в целости-сохранности. Всё благодаря моим усилиям...

Домой веселёхонько возвращались. Никита с Егоркой, перебивая друг дружку, живо рассказывали про нашу удачную рыбалку, а я смотрел в окно и думал, что нужно достать где-нибудь ещё одну шубу, запасную, и держать её на всякий пожарный случай.

Чудесная исцеляющая сила

После этой рыбалки в моём теле странные изменения случились. Когда холодно, организм в особом режиме работать начинает. От меня такое сильное тепло исходит, что в избе меня вместо печки используют. Меня даже на зимнюю рыбалку не берут, если лёд тонкий. И снег, и лёд подо мною сразу таят, и приходится мне частенько менять дислокацию. Однажды засиделся, засмотрелся, как Никита из лунки окуньков выдёргивает, да так и бултыхнулся в воду. Хорошо, хозяин рядом оказался. Подполз по льду и за лапу меня выдернул.

В трескучие морозы меня силком в дом загоняют. Печка в доме, конечно, тоже есть, но её недостаточно. Опять же экономия на дровах и угле. К тому же тепло моё особенное – полезное, исцеляющее, силу человеку даёт. Бывало, протопишь избу, как следует, и уже духота, как в бане. Тогда выпроваживают меня на улицу, чтобы я в коровнике посидел или в курятнике.

Наша корова Пестроня постоянно просит, чтобы я в лютую стужу хоть полчаса рядом с ней побыл. Скучно ей по полгода в коровнике сидеть. В тесноте, в темноте, в холоде да без движения. Вот и захожу по нескольку раз на дню поболтать. Затрагиваем разные темы, благо кругозор у меня широкий. А всё больше о весне мечтаем. Невесёлая у неё жизнь,

а когда о хорошем думаешь, всё легче.

Пожалел я как-то Пестроню, а она мне говорит:

– Это ещё что – терпимо. Как подумаешь, каково оленям зимой, лосям, косулям и всем нашим, кто травой питается, даже страшно становится. Снега иной раз по два метра выпадет – где они там траву находят, я вообще не представляю! Ужас! А морозы какие! За сорок градусов бывает! За пятьдесят! Страшно! А в пургу холод до костей пробирает. Сколько раз слышала – и замерзают, и умирают от голода. Бывает такая зима лютая, что до весны мало кто доживает. О-хо-хо, зиму пережить – не поле перейти. Даже хищников зимой жалко.

Послушал я тогда Пестроню и полюбил её ещё больше. Захотелось ей косточку принести, припрятанную шкурку от сала, да вовремя вспомнил, что у нас рационы разные. А ещё мне почему-то вспомнился один странный случай.

Повстречал я как-то зимой знакомую собачку и спрашиваю:

– Что-то давно тебя не видно. Случилось чего?

– Да с хозяйкой моей плохо. Всё время от неё не отхожу.

– А что с ней? – разволновался я.

– Депрессия у неё.

Удивился я: что за болезнь такая? Оказалось, это какая-то таинственная хворь, которую никакими анализами выявить нельзя, но люди от неё очень страдают. Сплошь и рядом.

– Разве твоя хозяйка в холодном тёмном сарае живёт? –

сыпал я вопросами. – Её по полгода оттуда не выпускают? Солнца не видит?

– Нет, что ты.

– Неужели на улице живёт, на морозе? – ахнул я.

– Мы в тёплом доме живём. Хорошо у нас, уютно, всё есть.

– Подожди, она что, голодает? Одним сеном питается?

– Да нет, с питанием у нас всё хорошо. Полный холодильник. Деликатесы едим.

– Тогда я вообще ничего не понимаю! – растерялся я. – Странно. Я-то думал, у животных зимой самая страшная жизнь, а получается, люди ещё больше мучаются.

– Я сама уже запуталась, – вздохнула моя знакомая. – А как помочь, не знаю, – и пошла, понуро опустив хвост.

У меня сердце сжалось от сострадания. Мы, собаки, постоянно себя виним, если хозяин вдруг упал духом, не в настроении, а уж если заболел – это вообще страшно. Нет ничего ужаснее для собаки, чем болезнь хозяина. Помню, однажды Никита заболел, так я чуть с ума не сошёл.

В тот раз меня к Никите долго не пускали. Целый час я бегал вокруг дома, места себе не находил. Переволновался – жуть. И скулил, скулил, не переставаячи. Чувствовал, что Никите всё хуже и хуже, и уже страшные картины перед глазами являлись. Хотел уж было стекло выбить, чтобы внутрь пробраться, но, к счастью, мама опомнилась и впустила меня в дом.

Подбежал я к кровати и вижу: Никита весь такой больной,

измождённый. Забрался я на кровать и положил ему голову на грудь. Слышу, сердце трепещет и тревожно бьётся, хрипы из груди, и жар печёт. Никита погладил меня ослабевшей рукой по голове, и у меня слёзы из глаз закапали. Эх, думаю, не уберёт я хозяина своего. Не будет Никиты, и я жить не смогу. И так мне больно и страшно стало!

Вдруг, чувствую, нечто таинственное происходить стало: у Никиты сердце ровней застучало, а у меня перед глазами радужные перья на лазури замелькали, тут же и в сон потянуло. Так и ухнул в дремотную бездну. Приснилось мне, будто мы уже в больнице. Никита на койке лежит, а я рядом, на коврике. Вокруг нас вирусы и бактерии в белых халатах собрались... Консилиум держат. Решают, какое лечение назначить, чтобы добиться нужного результата...

Самый главный вирус раздумчиво смотрел на Никиту и озадаченно теребил в руках больничную карту.

– Странно, пациент пошёл на поправку, – расстроено сказал он. – Очень даже неожиданно...

– Мы сделали всё возможное, уважаемый профессор, – оправдывалась главная бактерия. – Строго следовали по инструкции.

– Не сомневаюсь. В какой момент началось выздоровление?

Бактерия брезгливо ткнула пальцем в мою сторону.

– Да вот, когда эта псина появилась.

Вирус-профессор посмотрел на меня с нескрываемой неприязнью и выдавил из себя:

– Какой гадкий пёс! Зачем же вы позволили ему находиться рядом с пациентом?

– К несчастью, мы ничего не могли сделать. Между ними очень крепкая таинственная связь. Они всегда вместе, и мы не в силах их разлучить. Из-за этой собаки мы утратили все наши способности.

– Вот оно что... – осенило профессора. – То-то, я чувствую, мне как-то нехорошо. Ну что ж, видимо, здесь мы уже ничего сделать не сможем. Пойдёмте к другим пациентам.

– Думаю, в первую очередь нужно посетить пациентку из пятой палаты, – просунулась какая-то вёрткая бацилла. – Очень лёгкий случай. Злая женщина, и патологически не любит собак.

– Вот как! Да это же здорово! – обрадовался профессор. – Ну что ж, у нас есть прекрасная возможность восстановить силы. Пройдёмте скорее, уважаемые коллеги.

Я проснулся и прислушался, прильнув ухом к груди Никиты. Чувствую, температура спала, дыхание ровнѐхонькое, без всяких сиплых звуков и хрипов, сердце бьѐтся ритмично и весело, выстукивая какую-то удивительную мелодию. Я слушал эту прекрасную музыку и от счастья боялся пошевелиться. И лишь тихие слѐзы катились из моих глаз.

После я восстановил хронологию событий и понял, что заболел Никита как раз в тот день, когда с утра меня не похвалил и не погладил. Помню, я тогда сразу забеспокоился, маяться стал сильно: что сделал не так? Почему отчуждение? Старался лишний раз на глаза попасться. И вот Никита заболел... К счастью, я всё-таки успел: Никита погладил меня по шѐрстке – и сразу исцелился.

Что и говорить, нет худа без добра. С тех пор я понял, что на мне не только сохранность всего имущества, движимого и недвижимого, но и здоровье семьи. Если человек хоть раз в день собаку погладит, он в этот день не заболеет. Но теперь я не жду, когда меня погладят, а сам решительно забираюсь лапами на грудь. Ведь самое лучшее средство от всех болезней – это профилактика. Пусть это и не видно обычно-му глазу, но, когда собака счастлива, она в семью здоровье и счастье приносит, удачу приманивает.

С тех пор я болезнь заранее чувствую. Могу даже силой

мысли её предотвратить. Теперь бактерии и вирусы нашу семью седьмой дорогой обходят. Боятся. А если какая-то бактерия и проходит случайно мимо нашего дома, то в страхе озирается и ускоряет шаг.

Змейка «подколотная»

Помню, гнался я за длинноухим зайцем, и угораздило меня на змейку наступить. Ну, а как же, укусила, конечно, не упустила своего счастья... Хворал потом сильно, прошёл курс реабилитации.

А дело было так. Несусь я, значит, во все лопатки вдоль горушки за косым и уже вроде как настигаю. Хотел ему что-то важное сказать. А тут гадюку ещё издали приметил. Лежит она, красавица, на гранитном камушке, шоколадная такая, узористая и блестящая, на солнышке греется. Поела хорошо, и лень ей, и хорошо на душе... Ну, я к зайчишке сразу интерес потерял, любопытно стало, захотелось на гадюшницу вблизи полюбоваться.

Она с камешка-то в траву юркнула, а я – за ней. Свернулась в кольцо и шипит на меня, языком своим раздвоенным треплет. Неприятно так шипит, аж на душе муторно стало, и запах от неё нехороший, отталкивающий. А всё же не отступаю, решил с нею во что бы то ни стало поближе познакомиться, а там и поиграть, если дружелюбная окажется. Подступил поближе – она давай от меня отползать, бочком как-то, с опаской оглядывается. И тут я её лапой разве чуть-чуть за хвост придержал, а она вдруг мгновенно развернулась и клюнула меня прямо в нос. О-хо-хо, скажу я вам! Так больно тяпнула, что у меня слёзы картечью из глаз брызнули! Ша-

рахнулся я в ужасе и заскулил как щенок малый. Вот, думаю, зверюга! Хуже кота сиамского.

Отбежал в сторонку и мордашу лапёхами растираю, языком старательно облизываю. Вот только ничегошеньки не помогло: нос прямо на глазах распух до неприличных размеров. Был чёрный как смоль, а стал какой-то с синюшным отливом, как слива. Запахи враз перестал различать. Всё же резкая боль стихла, зудит и ноет тупо, голова закружилась, слабость по всему телу разлилась, в сон потянуло. Я – чего уж там – противиться не стал. У нас каждая собака знает, что лучший лекарь – это хороший сон. Во сне организму во сто крат легче с болезнью справиться, опять же подсказка может присниться. У нас вещие сны – обычное дело. Рухнул я в пахнущую мёдом таволгу и тотчас же угодил в сети старого пса Морфея, и захрапел на всю округу.

И вот снится мне, будто подползает ко мне та самая змеища, вся такая виноватая и подавленная, и с дрожью в голосе говорит:

– Ой, как же у вас лицо распухло! Боже мой! Боже мой! Что же я наделала! Беда-то какая! – У самой слёзы из опухших глаз капают, по траве катятся. – Извините, пожалуйста, простите ради Бога, я вас нечаянно укусила. У меня это рефлекторно получилось. Машинально. Просто вы мне на хвост наступили, не то чтобы больно... всплыла я, со мной это бывает.

– Да ладно, я сам виноват, – обиженно буркнул я.

– Вам срочно лечиться надо: у меня очень сильный яд. Пойдёмте скорее, я вам травку покажу от моего яда.

Указала она на какой-то кустарник с чёрными ягодками – то ли бузина, то ли похожее на неё – и говорит:

– Вот это самое лучшее противоядие, не сомневайтесь, проверено.

Я попробовал ягоды с кустарника, и сразу мою кислую и опухшую физиономию перекосило. Спешно выплюнул и простонал:

– Горькие какие, невкусные!

– Ну, что поделаешь, – вздохнула гадюка. – Терпите, раз уж так получилось.

Потом ещё всяких трав показала.

– Те ягоды – противоядие, – важно объясняла она. – А вот эта травка – чтобы осложнений на почки не было. Понимаете, мой яд кристаллизуется в почках, и они могут не выдержать, отказать. А вот эти растения – общеукрепляющие, очень полезны для организма, для тонуса.

Змейка вообще очень общительная оказалась. Пока я траву трескал, она болтала без умолку.

– Вы знаете, – шелестела она, – в вас, в собаках, столько любви много, поэтому у вас очень пластичные гены. Вы очень легко можете меняться и улучшаться. Вас даже люди меняют – породы разные развели. Вот вы от волков произошли, а мы, змеи, очень древние животные. Гораздо древнее волков и других животных. Но, к сожалению, за миллионы

лет мы практически никак не изменились. Говорят, из-за нашей злобы и косности мышления. Но это не так. Думаю, из-за нашего образа жизни, – вздохнула змея. – Предназначение наше, конечно, нелицеприятное. Дорого оно нам обходится, очень дорого. Хотя мы уже смирились. Видимо, нельзя нам эволюционировать: может что-то ещё хуже получиться. Я вот тоже вредная. С сёстрами совсем не общаюсь. Раньше мы постоянно спорили, всегда ругались, с какой стороны яйцо разбивать.

Мне потихоньку лучше стало, даже аппетит появился. Трескаю траву и удивляюсь, до чего вкусная.

– Вот вы с людьми живёте, а ведь у нас людей никто не любит, – не умолкала змея. – Вред от них большой. А скажите, какие они? Меняются в лучшую сторону?

– У меня хозяин хороший, а про других – трудно сказать...

– Вас разве на цепь никогда не сажали?

Я от обиды чуть не поперхнулся.

– Цепь – это не мой уровень! – важно ответил я.

– Понятно. Знаете, вот если бы я человека укусила, мне бы его нисколько жалко не было, разве если ребёнок. А вот собак жалко. И кошек – тоже.

– А кошек-то за что? – удивился я. – Вообще-то это вредное животное.

– Может, вы и правы. Они у нас мышей постоянно крадут. Конкуренты. Зато они такие милые...

– Ага, милые, как же!.. Мягко стелют – жёстко спать.

– Ну, люди их за что-то же любят, гладят их! Они так мурлыкают мелодично – прямо заслушаешься. Вот бы меня кто погладил. Хотя... – змея опять понурилась. – Я ведь мурлыкать не умею и в руках себя держать не умею... В руках я ещё агрессивней становлюсь... от испуга больше.

Жалко мне змейку стало, даже какая-то симпатия проклюнулась.

– Просто так никто гладить не будет, – задумчиво сказал я. – Тут шерсть нужна. Лучше когда мягкая и пушистая, а ещё шелковистая и красивая.

– Шерсть бы мне не помешала. Мы змеи постоянно мёрзнем.

– А ещё надо хвостом махать. Хочёшь, научу?

– Зачем? Я же не гремучая змея, я гадюка.

– Всё равно надо. Полезный сигнал, дружественный. Если кто к тебе подойдёт, не надо шипеть, а лучше хвостом помахать.

Змея чуть задумалась и спросила:

– А хозяин ваш хорошо готовит?

– Когда как, иной раз лапы оближешь. Вообще-то меня хозяйка кормит. Из борща мне мясо выкладывают, а сами свеклу и капусту едят.

– А мне совсем немного надо. Неделями могу не есть, а то и месяцами. У нас некоторые змеи всего три раза в год едят. Анаконды, например. Но главное, конечно, чтобы вкусно было.

– Это точно.

– Вы правда на меня не сердитесь? – робко спросила змея.

– Теперь уже нет.

– Ой, я так рада! Вы знаете, на нас, змей, много всякой напраслины наговаривают. Вот сейчас, вы думаете, я случайно к вам во сне пришла? Нет, мы, змеи, всегда так делаем. Люди думают, что животные от болезней сами травки находят, по запаху. Не знаю, как от других заболеваний, а от змеиного укуса – это мы показываем. Мы легко можем через сон с укушенным связаться. А ещё мы гипнозом владем. Ой! – вдруг

опомнилась она. – Заболталась совсем! Вам же лечиться надо! Просыпайтесь скорей!

Тут я и проснулся. Огляделся по сторонам и змеи никакой не обнаружил. Нос ещё больше распух, но хоть какая-то бодрость появилась. Пошёл я те травки и ягоды искать, которые мне змея во сне показала. Что-что, а их я крепко запомнил. Вскоре и кустарник нашёл с чёрными ягодами. Поел их, потом травой закусил – жую и плачу, в общем, кое-как натолкал в себя, вогнав в оторопь желудочно-кишечный тракт. А что поделаешь, жить захочешь, и траву начнёшь есть.

Сразу же сморил меня опять сон, и проспал я десять часов кряду. На этот раз мне, правда, змея не снилась. Привиделась молоденькая овчарочка с другого конца деревни, которая ещё ни разу замужем не была. Зовут её Рада. И вот плачет она, слезами обливается и говорит мне так ласково и с дрожью в голосе:

– Коленька, ты даже не представляешь, как я за тебя испугалась! Я же без тебя жить не смогу! Коляша, ты дороже мне всех на свете! – и дальше всё в том же духе.

Рада долго не могла успокоиться, и я весь сон читал ей стихи. Она слушала с придыханием и не сводила с меня своих влюблённых и восхищённых глаз.

Проснулся уже почти здоровым; чую, на сердце легко и спокойно, мордаха перестала болеть, зачесалась, опухоль чуть спала. Побежал я скорей домой. Ну, думаю, потеряли меня, беспокоятся, места себе не находят. Страшные мыс-

ли от себя прочь гонят. Полиция, МЧС, больницы, патологоанатомы, тысячи волонтеров местность прочёсывают. А я подбегу – вот они обрадуются!

Жизнь прожить

Только я лапы в деревню направил, гляжу, плетётся мне навстречу старый алабай – так среднеазиатскую овчарку называют. Кайрата я не то чтобы побаивался – он всю карьеру на цепи просидел, – уважал сильно: могучая собака, ну, совершенный медведь! И вот совсем дряхлый стал, еле лапами передвигает. Пасть раззявил, отдышка, как у астматика, хрипы из груди, язык сбоку болтается.

Жалко мне стало старого Кайрата, аж комок к горлу подступил. Была бы кость, – не задумываясь, отдал бы. Буженину от сердца бы оторвал, честное слово! Подбежал я к Кайрату, поздоровался, хвостом тропинку подмёл. Ну и присели мы передохнуть, о делах наших скорбных повздыхать.

Стал Кайрат мне про свою горькую жизнь рассказывать, и страшен был его рассказ. Я то и дело слёзы укрادкой смахивал. Что и говорить, всю жизнь на цепи, детей нет, любовь по молодости была, да и то злые люди разлучили. И вот теперь, когда старик совсем хворый стал, хозяин отвязал его и отпустил в лес умирать. Собаки всегда, когда смерть чувствуют, уходят подальше от глаз – в лес, в тайгу, в самую глушь. Это и у предков наших, у волков, закон такой, чтобы стаю не обременять.

Зашёл у нас разговор о первой любви, и рассказал старый алабай такую историю.

– Как же, была у меня одна, по молодости, – крикнул он. – Полюбили мы друг дружку. Она хоть и росточку малого – пекинесса, а так мне в душу запала, так мне по сердцу пришлась, что я и спать, и есть не мог, всё о ней, красавице, о ней думал! О-хо-хо, не знал я тогда, что собачье счастье никому не надо. Злые люди развели нас в разные стороны. Не судьба, мол.

Потом подумал немного и говорит:

– Да я и сам виноват. Тогда меня ещё на цепи не держали. Свободно гулял, на поводке. А вот стеснялся я к ней подойти.

– Чего же вы стеснялись, дедушка? – удивился я. – Вы вон какой сильный! Вам все завидовали, и я – тоже.

– Что мне сила эта... Не пригодилась. Облика я своего стеснялся. Мне хозяин в юном возрасте хвост и уши отрезал. Мол, для нашей породы так положено; дескать, с волками драться ловчее. Те, вишь, норовят за уши и хвост ухватить. Вот и нужно, чтобы у них никакой зацепки не было, надобно лишить инициативы. Э-хе-хе... Вот такой экстерьер: остался я без ушей и без хвоста. И главное-то что – за всю свою жизнь ни одного волка не видел! А как бы я их встретил, волков этих, когда всю жизнь на цепи просидел? Вот и, спрашивается, какой резон? Где логика? Где, спрашивается, хоть какая-то разумная подоплёка? Эх, люди, люди... злые они. Всю жизнь мне исковеркали. Я ведь из-за этого своего вида и комплексовать стал, робел перед любимой. Долго я

не мог насмелиться. Всё думал, думал, планы строил, стратегию, мечтал только, как мне с любимой поближе познакомиться. Тянул кота за хвост. А тут гляжу – за моей любимой уже целая стая ухажёров увивается. Облепили её всю кругом, а один уже карабкается... У меня прям кровь в голову ударила. Будто обухомшибанули. Кинулся я в то столпотворение и разметал всех в великом бешенстве. Кого и покусал до смерти, не без этого. Так-то на меня эта ситуация подействовала. И вот остались мы одни, стоим друг перед дружкой, и решился я, и стал в любви объясняться. И она вроде как благосклонна, не против, с теплинкой на меня смотрит. И только я, стало быть, обрадовался, прибежал хозяин и за уши меня оттащил. Образно говоря. Ушей-то у меня нет. Дескать, не пара мы, мол, я в четыре, а то и в пять раз в холке её превосхожу. Ну и что, что она росточком маленькая? Любовь, ведь она на любую высоту рассчитана. Главное ведь душа, понимание.

Старик замолчал и тяжело задышал, вывалив язык.

– Как же так, дедушка, вы её больше так и не видели? – осторожно спросил я.

– Потом меня в деревню отдали, – вздохнул Кайрат. – Здесь меня сразу на цепь посадили. Думал, временно, а оказалось, на всю жизнь. Первое время надеялся – она меня сама найдёт, зазноба эта. Потом о новой любви мечтал. Не зря же говорят, время лечит. Думал, вот увижу какую-нибудь похожую на неё – и обязательно влюблюсь. Может, так бы и вышло, гуляй я на свободе. А на цепи – какая уж тут любовь? На цепи – одно издевательство. Меня эти собачьи свадьбы всё время из себя выводили. Встанут возле забора напротив и дразнятся. А у меня всё нутро рычало. Порвал бы в клочья без всякой жали! Ничего, думаю, рано или поздно с цепи сорвусь, и тогда поглядим, какие вы герои. Помню, и ты среди

них был...

У меня шерсть на загривке всколыхнулась. Прижал я уши и стал как-то ниже росточком.

– Я? – прошелестел я. – Я, дедушка, всегда к вам со всем уважением...

– Да ладно, дело прошлое. Я уже не в обиде. Куда мне уже старику обижаться. Да и клыков уже нет, все сгнили. Мне теперь и осталось, что доползти до первого оврага и отдать волкам тушу.

– Давайте, я вас провожу?

– Куда ты меня проводишь? Я к волкам иду. У меня ведь сейчас только одна мечта осталась – волков повстречать. Пусть уж загрызут теперь, хоть в борьбе закончу своё существование, как настоящий боец. Мясо моё волчатам пригодится. Я уже нежилец, так хоть какая-то польза от меня будет. Вместо косули съедят, она и поживёт ещё... Тоже к волкам хочешь?

– Да нет... это я так.

– Увидишь ещё, в своё время, ежли не закопают.

– Не закопают, не дамся. Я, как почувствую недомогание, сразу же, как и вы, дедушка, в лес уйду.

– Ну, тебе ещё рано об этом думать. Хозяин-то у тебя хороший?

– Хороший. Гулять меня хоть куда отпускает. У нас в семье вообще все любят друг друга.

– Прямо-таки одного отпускают? – удивился Кайрат.

– Да. Порода колли добрая считается, нас все любят и не боятся.

– Повезло. А я всю жизнь прослужил худому человеку. Ни на рыбалку, ни на охоту меня не брал, всё цепь, цепь. Добро его охранял, богатство. Всю жизнь он там всё что-то копил, комодил, людей обманывал. Я не раз слышал, как он хвастался, что кого-то без какой-то нитки оставил.

– А сейчас как? Жалел ваш хозяин, что вы никогда не увидите?

– Думаю, ему всё равно, – вздохнул Кайрат. – Он ещё полгода назад замену мне подготовил. Видит, я уже больной, никуда меня не надо, ну и щенка тоже нашей породы взял. Хороший такой щеночек, весёлый, озорной, игривый, – мордаха старика засветилась от радости. – Детство, оно завсегда счастливое. Даже во сне улыбается, лапками сучит, пинается. По нраву ему жизнь, а как же, сам такой был. Со мной любил играть. И для меня тоже радость, хоть какая отдушина. А с другой стороны... смотрю я на него, и сердце горечью обливается: эх, думаю, как же тебе не повезло, милый! Несчастливая тебя жизнь ждёт, ох и бедовая! Жалко его до слёз. А что сделаешь – такая уж наша доля. Однако заговорился я, чую, силы покидают. А путь, зная, не близкий, в самую глушь надо забраться. Там волки эти.

Я смотрел вслед старому алабаю, и на душе моей кошки скребли. Так тоскливо стало, что хоть сам волкам в пасть лезь. А всё же вспомнил, что у меня хозяин хороший, и семья

замечательная, и сразу мне полегчало, лапы расправились. Захотелось всю нашу семью увидеть, обнять их всех лапами и облизать, как следует.

Необычайно дорогая порода

Места у нас живописные, гористые. Речка рыбная, леса богаты грибами, ягодами, орехами кедровыми. Много всяких зверей и птиц. И вот с недавних пор стали у нас богатеи обживаться. Приглянулись им места наши, и давай они земли скупать, строиться.

Поселились на краю деревни муж с женой, коттедж отгрохали. А с ними собачка одна приехала. Красивенькая такая, необыкновенная, чёлка на глаза наползает. Как будто из другого мира. Ляля её зовут. Влюбился я в неё сразу. С первого взгляда. Подбежал к Ляле и говорю: так, мол, и так, жить без тебя не могу, по ночам не сплю, кость в горло не лезет.

Посмотрела она на меня этак оценивающе, смирила холку и говорит:

– Я не простой породы. Мне за кого попало замуж нельзя. Знаешь, сколько моя порода стоит? – и назвала вовсе несообразную цифру.

У меня глаза на лоб полезли.

– Как же твои хозяева такую сумму накопили? – ошарашено спросил я.

Ляля сначала растерялась, а потом вдохновенно выдала:

– Хозяин на трёх работах разрывался, хозяйка – на двух, а по выходным уборщицей по ночам работала, вагоны на вокзале мыла. Да ещё летом по миллиону кустов помидоров са-

жали. Сами перебивалась с хлеба на воду, на всём экономили, вот и накопили на меня.

Я как-то засомневался. Видел я её хозяев. Он тучный такой, брюхом могуч и в тазу плечист, ленивый, только командовать умеет. Жена его тоже белоручка, когти длинные, вишнёвые и блескучие. И коту понятно, что рук её никакая работа не касалась. И вообще вся такая накрашенная, одета изысканно, драгоценностями брякает. Да и в огороде они ничего не сажают. Какие уж там миллион кустов! «А вдруг они благосостояние нажили преступным путём?» – обожгла меня внезапная догадка.

Эта мысль так потрясла меня, что я решил лично провести расследование. План у меня созрел такой – упечь её хозяев в тюрьму, а Лялю оставить без средств к существованию. Разумеется, это выглядит жестоко, но как мне было иначе достучаться до её сердца? Выхода не было. Я должен был понизить её социальный статус до моего уровня. Тем более возле неё уже крутился какой-то ризеншнауцер.

И вскоре моя догадка подтвердилась. Понял я, почему Ляля неправду сказала. Ей стыдно за своих хозяев, которые ведут аморальный образ жизни и занимаются криминалом и коррупцией. Выходит, она была куплена на грязные деньги, а значит, на самом деле и ей грош цена. В нашей среде и так собак не любят, у которых хозяева богатые, а тут ещё и преступники. Узнают и засмеют Лялю, заклеят позором. «Эх, Лялька, Лялька, – сокрушался я. – Вляпалась ты – и коту не пожелаешь». И так мне Лялю жалко стало, так невыносимо больно, что любовь в моём сердце и вовсе разбухла до неприличных размеров. Захотелось вытащить любимую из страш-

ной западни, в которую она угодила по прихоти злого рока.

И вот в один прекрасный день назначил я Ляле свидание. Но только мы посмотрели друг другу в глаза, Ляля сразу всё поняла. Не мешкая ни секунды, она кинулась в мои объятия.

– Спаси меня! – взмолилась она. – Я не могу больше с ними жить! Они каждый день едят чёрную и красную икру, стейки всякие, шашлыки и меня ими пичкают. А я так не могу больше! Я задыхаюсь! Я погибну скоро от угрызения совести, если ты не заберёшь меня оттуда! – и разрыдалась на моём плече.

– Не плачь, любимая, – успокаивал я. – Мы что-нибудь придумаем.

– Пойми, они паразиты на теле природы, а я другая! Мне нужен смысл! Я хочу приносить пользу!

– Слушай, а у вас кот есть? – вдруг спросил я.

– Есть. И кот, и кошка, – сказала она, вытирая лапой слёзы. – Они всем довольны. Едят и спят по двадцать часов в сутки.

– Так я и знал! Что и требовалось доказать! Коты никогда не борются, они всегда плывут по течению. Кошки вообще даже подгребают. А мы не такие! Мы будем бороться назло судьбе! Мы сделаем мир чище и добрее!

Ляля смотрела на меня с восхищением и даже, не побоюсь этого слова, с любовью, не отрывая своих прикрытых чёлкой заплаканных глаз. И я чувствовал, что стал выше в холке, что грудь моя выгнулась колесом, что хвост мой распушился и

качается в такт каждому сказанному мной слову.

И понял я, что Ляля любит меня, что мы созданы друг для друга, и уже ничто не может разлучить нас. В животе моём заурчало, и я почувствовал, что проголодался.

– Неужели ты каждый день ешь шашлыки, буженину? – спросил я.

Ляля робко потупилась, покраснела по самую макушку и обронила:

– Да.

– Бедная ты моя! – с горечью покачал я головой. – Несчастливая ты моя! А ты не могла бы принести мне кусочек?

– Хорошо, – тихо сказала она. – У нас как раз сегодня запеченный поросёнок.

– Что ж, пусть будет поросёнок... – нехотя согласился я. – Я должен разделить твои страдания.

Целый месяц Ляля носила мне всякие деликатесы, отчего я изрядно поправился. Шерсть моя стала лосниться, словно намазанная гусиным жиром, а щёки обвисли, как у бульдога.

Увы, счастье нам выпало недолгое. Собака предполагает, а человек располагает.

Угораздило же меня рассказать о нашей истории любви другим собакам. Многие узнали и о подноготной хозяев Ляли. И одна поисковая немецкая овчарка, которая служит в следственном отделе, передала, куда следует. Однако хозяина Ляли так и не посадили. Он оказался большой начальник из городской администрации. Правда, сухим из воды выйти

ему не удалось. Работы он лишился; откупаясь, потерял много денег, а главное, от него ушла молоденькая жена, забрав Лялю с собой. Да, такая вот катавасия.

Больше Лялю я никогда не видел. Даже не знаю, где она сейчас, что с ней. Извините, не могу больше рассказывать, слёзы душат...

Лесной совет

У нас в лесу травоядных и мирных животных в изобилии, а вот волков мало совсем. Ну и собрались как-то олени, лоси, кабаны и другие вегетарианцы на митинг. Стали думать думать, как эту проблему решить. Я ради интереса тоже на собрание пришёл.

Мнения сразу разделились. Старики говорили, что без волков нельзя, «полезное животное», а молодые – что не надо их вовсе.

– Как же без волков? – горячился пожилой лось. – Скучно без волков. Здоровья никакого не стало. Бегать мы совсем перестали, прыгать разучились, спортом не занимаемся. Растолстели до безобразия. Сейчас каждый второй – хворый. Да и остальных здоровыми не назовёшь. Случись медкомиссия – всех забракуют.

– Без волков никак нельзя, – с горечью поддакнул старый олень. – Мне помирать скоро, а некому себя оставить. Страшно даже подумать. Зря столько мяса пропадёт. Дожили... Смысл жизни теряется.

– Раньше и болезней таких не было. У нас про атеросклероз и диабет никто не слышал, а сейчас обычное дело.

– Что «диабет»? – сокрушался вожак оленей. – Раньше опасность всех сплачивала, друженько жили, нет-нет да и любовь вспыхивала, а сейчас каждый за себя. От нечего де-

лать грызёмся друг с дружкой по мелочам.

– Как же быть? – робко спросила косуля.

– Надо из других лесов волков выписать.

– Тоже скажешь! – ахнула олениха. – Забесплатно никто не даст. А если импортных волков – тут вообще втридорога.

– Объявление надо в газету. Может, волки с других лесов к нам переедут. Бесплатно. Вдруг где-то их много.

– Правильно, – согласился кабан-секач. – Но на это надея слабая. Я слышал, сейчас с волками везде туго. Действовать

надо многовекторно. Нужно ещё счёт в банке открыть, чтобы туда жертвовали на спасение волков.

– Вот здорово! – захлопала длинными ресницами молодая олениха. – Я слышала, так в дальневосточных лесах тигра спасают. Может, нам тигров тоже выписать? Они красивые, грациозные. Или леопарда?

– Хорошо бы, – мечтательно закатила глаза косуля. – Только они дорогие, наверно. Леопардов, говорят, вообще мало. Каждый на вес золота.

– Если много денег будет, почему нет?

– А кто такой тигр? – вдруг спросила юная кабаниха.

– Это тот же кот, доченька, только большой, полосатый, – ответил её отец.

– Даже больше волка?

– Вот десять волков взять – один тигр будет.

– Ничего себе! Конечно, тогда тигр лучше!

– Само собой, лучше, – согласился пожилой лось. – От волка легко отбиться, если он один, а с тигром не забалуешь.

– Вот и мы все так думаем, – сказал олений вожак. – Однако нужно подстраховаться. Нельзя класть все рога в одну ванну. Нужно и тех, и тех выписать, и волков, и тигров.

Стали голосовать.

– Кто за то, чтобы восстановить волка в нашем лесу? – торжественно вопрошал старый лось.

И все проголосовали единогласно «за». Кроме меня. Я, естественно, не пошёл на поводу у толпы. У меня насчёт вол-

ков своё мнение.

– Это вы хорошо придумали... – насмешливо сказал я, еле сдерживая возмущение. – Вам, может, волки и нужны, а нам они совсем без надобности. Вы бегаєте хорошо, а наша корова бегать не умеет. А если волки на неё нападут? Нет уж, мы Пестроню любим, мы без неё жить не сможем.

– А сам-то ты на что? Не защитишь?

– Мне дом охранять надо, и других обязанностей хватает.

– Нет, ну вы посмотрите на него! – возмутилась олениха. – Из-за одной вашей коровы мы все страдать должны! Вообще-то у нас лесное собрание, а в деревне вы у себя как-нибудь сами разбирайтесь! Вас вообще-то никто не звал!

И тут я решил пожертвовать собой...

– Подождите, есть же другое решение, – предложил я. – Давайте, я вместо волков буду. Если надо, товарищей позову.

Секунд десять глухая тишина стояла, а потом старый олень недоверчиво спросил:

– А справишься? Дело серьёзное.

– Конечно. Раз надо, я готов.

– Да какой из него волк! – возмутилась олениха. – У него глаза добрые!

– И правда, добрые, – согласился олень. – Увы, ничего не получится, мы не можем доверить вам такое серьёзное дело.

Я принялся что-то доказывать, объяснять, но они и слушать не захотели. Стали расходиться, разбредаться в разные стороны, а я всё рычал, взывал к разуму:

– Вы не имеете права! Нужно учитывать интересы всех животных!

Прибежал я домой и нашей корове обо всём рассказал. Как ни странно, Пестроня выслушала спокойно, без истерик и сказала:

– Я сама по волкам соскучилась. Пускай бегают. Они такие дружные, сплоченные. А если тигры будут – это вообще здорово! Посмотрю хоть на них. Они те же коты, значит, и молоко любят.

Никите я тоже рассказал. Положил голову ему на колени и выложил всё как есть. Правда, он нашего языка не понимает, но, я уверен, почувствовал, какие непростые времена надвигаются.

Потом я долго смотрел в зеркало и думал: как бы так сделать, чтобы глаза не такие добрые были? Стал я усиленно тренироваться, бегаю ещё больше, жую хорошо, по утрам обливаюсь холодной водой, клыки наточил. Вот только каждый день заглядываю в зеркало, а глаза какие были добрые, такие и остались.

Декоративные волки

Стаю сколотить мне не удалось. Искал по всей деревне, в другие сёла заглядывал – и ни одной подходящей кандидатуры: большие собаки на цепи сидят, а маленькие – тестирование не прошли.

Подключил я кое-какие связи и договорился, чтобы прислали импортных волков, декоративных. Где-то там вывели такую породу. Уж так их расписали, так разрекламировали! Будто у них и клыки белее, и тушёнку они сами впрок варят, и окорока коптят, и всякие деликатесы готовят. Словом, вместе с людьми идут в ножку со временем.

Засомневался я что-то. Если они варят или жарят там чего, без костра не обойтись. А волки не меньше нашего огня боятся. Любая шуба как порох вспыхивает. Однако кое-что в портфолио меня заинтриговало: дескать, волки эти – самые настоящие санитары леса, в буквальном смысле, работают под эгидой «Красного креста». Ну, думаю, если инструктаж прошли, значит, только больными интересуются, здоровых и молодняк трогать не будут, с разумением охотники. Наверняка и моральный облик выше, чем у обычных волков. Ну а тигров и леопардов вообще выписать не удалось. Там очередь на десятки лет вперёд.

И вот через месяц прислали по почте первую партию волков. На вид такие справные, упитанные, пушистые, у каждо-

го на боку красный крест нарисован. Встретили мы их с хлебом с солью, с окороками и грудинкой. Со всего леса звери пришли на них поглазеть. Олени, лоси, косули и другие вегетарианцы влюблёнными глазами волков обняли, добрые слова говорят, угодить стараются. Волки тоже на зверей с интересом поглядывают, облизываются.

Главный у них даже прослезился:

– Нигде нас с таким радушием не встречали! Везде нам в жительство отказывали, отовсюду нас гонят...

Старая волчица толкнула вожака в бок: мол, чего мелешь-то, прикуси язык. Все звери недоумённо переглянулись, а всё же никак не отреагировали. А вот я, естественно, неладное заподозрил, решил держать ухо востро.

С самого начала наметил я такой план: чтобы нашу корову не трогали, задумал я с волками как можно теснее подружиться. Стразу же и вызвался лес показать, природу нашу и богатые уголья охотничьи.

Так я грамотно экскурсию провёл, что все волки в неописуемый восторг пришли. Внимательно меня слушали и все мои советы тщательно конспектировали для дальнейшего анализа. Я даже решил закрепить своё влияние. Так, мол, и так, говорю, это моя территория, я здесь главный, поэтому ни одна шерстинка без моего ведома упасть не должна. Волки тотчас же головами согласно закивали и ещё больше меня уважать стали.

Молоденькая волчица в меня вообще по уши влюбилась.

У неё прекрасное и волшебное имя, Грызя её зовут. С самого начала она на меня с восхищением воззрилась и всё время глаз не сводила. А вот у меня к ней смешанное чувство возникло. С одной стороны, красавица, и мех хороший, серенький такой, и хвост пушистый, и ушки с кисточками, а с другой – что-то хищное у неё в лице, волчье... В первый же час подошла Грызя ко мне и, не откладывая кота в долгий ящик, объявила: полюбила, мол, тебя с первого взгляда, никто мне другой не нужен. Я растерялся, вежливо уклоняюсь:

– Не пара мы, пойми, разные совсем. Ты потомственная волчица, а я из простых собак...

– Ничего страшного, – ответила она. – Мне снилось, что у меня муж пёс будет.

– Мало ли, что присниться может. Мне, помнится, снилось, что я на дикой собаке Динго женился...

– У меня был самый настоящий вещий сон.

– Откуда ты знаешь?

– Да и не во сне дело! – обиделась Грызя. – Я сама за волка не хочу. Я о необыкновенных детях мечтаю. Волки из века в век не меняются, а собаки – это свежая кровь, совсем другой мир, иное понимание жизни. Мои дети красные флажки перестанут бояться.

Вижу, разобиделась сильно. Смотрит исподлобья, фыркает. Вот, думаю, сейчас совсем осерчает, и полетят от меня клочки в разные стороны.

Прикинулся тоже влюблённым, а сам выбрал подходящий

момент и стреканул в деревню во все лопатки. Лежу дома под яблонькой и радуюсь, что легко отделался. Теперь, думаю, меня в лес никакими сардельками не заманишь.

Этой же ночью Грызя сама в деревню явилась. Разыскала наш дом и к калитке подкралась. Хорошо ещё, все семейные спали – люди волков не очень-то жалуют. Я как раз ночной обход территории совершал. Вдруг слышу: кто-то к забору подкрадывается. Подбежал, гляжу – Грызя, волчица эта.

– Почему без разрешения ушёл? – обиженно спросила она. – Нам так много нужно обсудить... У нас большие планы.

– Мне в больницу срочно надо было, – соврал я. – У меня целый букет нервных и психических заболеваний...

Грызя чуть нахмурилась, внимательно на меня посмотрела и спросила:

– А после больницы почему не пришёл?

– Лапу вот повредил, связки потянул, – опять слукавил я. – По двору и то еле хожу.

– Ой, правда покалечился? – встревожилась она. – Покажи, пожалуйста.

– Да что там смотреть... Зажила уже... почти...

– Понятно...

Волчица замешкалась, а я придумал скривить ещё больше. Потупил взор в землю и говорю:

– Прости, Грызя. Не надо нам встречаться. Невеста у меня есть. Мы давно любим друг друга.

Грызя так и обмерла. С такой, знаете ли, болью на меня посмотрела! Столько горести и отчаяния навеки поселилось в её глазах! Она как-то сразу потухла, осунулась, постарела, шуба её покрылась седой остью. Ничего мне Грызя не ответила. Она оцепенело отвернулась и побрела, понуро опустив голову и хвост.

Я смотрел ей вслед, и сердце моё обливалось кровью. На душе скребли кошки, и комок подступил к горлу. Но что я мог сделать? Сердцу не прикажешь. Да у нас, наверное, и резус-факторы разные, несовместимые. И всё-таки долго я в себя прийти не мог. Ходил, повесив хвост, взад-вперёд и боялся, что Грызя не переживёт этот страшный удар.

От переживаний меня сон сморил. Проснулся, когда совсем рассвело. Стал территорию обходить, в сараи заглядывать и – вот ужас-то! – двух курочек и петушка недосчитал-

ся. И волчьи следы на месте преступления, и запах её, Грызи. Ну, думаю, если так и дальше пойдёт, через неделю у нас вообще курятник опустеет. Заставят меня яйца нести.

Упал я духом, что и говорить. И тут вспомнил про одного несчастного дворянина. Ни хозяина у него нет, ни дома. Люди ему имя не дали, но мы его Варфоломеем зовём. Побирается он по всей деревне, к ремонтной мастерской прибил-ся. Где какой кусок найдет, кость ли обглоданную, корочку ли чёрствую, а так целыми днями голодный. Зимой ему и вовсе худо. Шуба у него облезлая, засаленная, вся в репьях. Мне всегда его жалко было, частенько ему поесть приносил. Из своей порции. И вот меня спасительная мысль посетила. А что если его с волчицей познакомить? При волках всегда сыт будет, опять же жизнь интересная, в лесу и на свежем воздухе. Среди душистых трав и пушистого снега. Одного я опасался, что волчице его внешний вид не понравится. Поэтому я Варфоломею так и сказал, что он должен поразить Грызю своими внутренними качествами, своим интеллектом и неординарными способностями.

– Сам решай, – наставлял я. – У тебя и так никаких перспектив в жизни, а здесь есть возможность выбиться в волки. Плох тот пёс, который не мечтает стать волком. Может, ещё и вожаком назначат.

Гляжу, у Варфоломея глаза загорелись, но и где-то там испуг плеснулся.

– Боязно как-то с волчицей-то, – пролепетал он.

– Конечно, вероятность трагического финала очень высока. Загрызть может запросто. Но всё в твоих лапах. Хватит уже прозябать. Тут или пан, или пропал.

Ну, Варфоломей и махнул лапой.

– Правильно сказал, безнадёжно моё положение. Вся жизнь – коту под хвост. Эх, была не была! Лучше уж волку в зубы, чем коту под хвост!

Ну и познакомил я его с Грызей. Волчица сперва вспыхнула от негодования, покраснела по самую макушку, молнии в глазах блеснули, а потом смотрю – кокетничает, на жениха с интересом поглядывает. Рассказал Варфоломей о своей горестной жизни и так, знаете ли, пронял сердце невесты, что она в конце концов разревелась и принесла ему приличный кусок мяса на сахарной косточке. Меня же отогнала в сторону, и я смотрел, как Варфоломей обгладывает кость, облизывался и чесал задней лапой за ухом.

Зажили Грызя с Варфоломеем душа в душу, в мире и согласии, колючки друг у друга каждый день выбирают. Варфоломей поправился, даже выше росточком стал, в добротной шубе ходит. И Грызя расцвела, распушилась, взгляд её стал мягче и добрее. Почти сразу они стали жить отдельно от волчьего коллектива. С вожаком у них там какое-то недопонимание возникло. Теперь вот мечтают создать собственную стаю и усиленно над этим работают. Ну а я... К сожалению, я нечасто бываю у них в гостях. Мне всякий раз как-то неловко: как будто намекаю, кому они обязаны своим счастьем.

Сколько волка ни корми, а он всё в деревню бегаёт

С пришедшей волчьей стаей через год скандал вышел. И так получилось, что именно я вывел их на чистую воду. И всё благодаря искусству...

Однажды Никита с родителями пошли в театр, а меня с собой не взяли. И главное, спектакль был хороший, «Волки и овцы» называется. Когда они в театр собирались, я вкрутил как волчок, хвостом вилял со всей моченьки, подметал пол до блеска, в глаза с мольбой заглядывал, а меня всё равно дома оставили. Так мне обидно было – не передать.

Очень уж мне хотелось про волков спектакль посмотреть. Одно только название чего стоит! Как я потом узнал, там главный герой – пёс Тамерлан, которого почему-то зовут волчьей котлеткой. Волки в этом спектакли всякие. Одни – помногу глотают, другие – так себе. Но все они какие-то странные, ходят в овечьих шубах, отчего не сразу в них волка определишь. Всё это мне одна знакомая овчарка рассказала, которой посчастливилось увидеть спектакль по телевизору.

– Неужели так трудно узнать волка? – недоумевал я.

– Практически невозможно. Мало того что шуба овечья, так ещё и гримируются под овцу. Отличить может только неординарно мыслящая собака.

– А по запаху? Волчий дух ни с чем не спутаешь!

– Они одеколоном брызгаются. Да и хозяйства такие вы-
бирают, где собаки нет.

– А зачем они овцами прикидываются? – всё никак не по-
нимал я.

– Как это зачем! – усмехнулась овчарка. – Появится волк
в деревне – его сразу пристрелят. А если в овечьей шубе,
никто и не заметит.

«Однако, – подумал я, – какое циничное коварство!»

Вскоре пошли слухи, что по району банда волков людей
обманывает. В нашей деревне они ещё не были, а вот сосед-
нюю, что в ста километрах, уже опустошили. Говорят, при-
ходят в овечьих шубах, втираются в доверие, и ничего не по-
дозревающие люди отдают им поросят, овец и другую жив-
ность. Такие они хитрые, что их никто поймать не может.

Жалко мне людей стало, аж слёзы навернулись. А как по-
мочь – не знаю. Ну, думаю, нашу деревню в обиду не дам.
Стал ещё внимательнее ко всем незнакомым приглядывать-
ся.

И вот однажды напротив соседей машина ветеринарной
службы остановилась. У этих соседей собаки нет, экономят
на охране, поэтому я за их двором тоже краем глаза погля-
дываю. Сначала ничего худого не заподозрил, а потом что-то
меня насторожило. Из этой машины люди в белых халатах
вышли. На спине и шапочках кресты красные. Стал я вспо-
минать, где я такие же кресты видел, и тут меня осенило...

«А не волки ли это в овечьих шкурах?» – подумал я.

Потом смотрю: ветеринары кабанчика на носилках выносят и в машину грузят. Соседка причитает, а ей говорят:

– Ничего нельзя сделать: африканская чума. Очень страшная болезнь. Неизлечимая.

Подошёл я поближе, и тут среди резкого запаха одеколона волчий дух почуял. Пригляделся, а у одного ветеринара из-под халата хвост торчит. Волчий. Ага, думаю, попались, голубчики. Я, конечно, сообразил, что эта та самая волчья банда разбойников. Эх, думаю, пока наших собирать буду, они в машину – и поминай как звали. Никакой план перехват не поможет. Решил всю банду один брать.

Сорвал я с одного халат, и шапочку тоже, и сапоги. И узнал в нём вожака волчьей стаи, прозвище у него Гиппократ.

Соседка как завизжит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.